

ЗАПИСКИ О РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ, извлеченные из бумаг графа Бассевича

В начале 1721 года неожиданно для многих иностранных наблюдателей в Петербург прибыл голистинский герцог Карл Фридрих, который официально посватался за одну из дочерей Петра Великого. Избранницей молодого герцога, который был тогда еще и наследником шведского престола, стала по воле Петра его старшая дочь Анна Петровна. Этот династический брак был задуман и осуществлен совместно русскими и голистинскими дипломатами. Дело в том, что северогерманское суверенное герцогство Голистиния (Шлезвиг-Голиштейн), граничившее с Данией, в 1713 году подверглось нападению Дании, которая оккупировала значительную часть территории герцогства. Это стало возможным в результате ослабления шведского влияния на Балтике и в Голистинии, связанной родственными узами со шведской короной (Карл Фридрих был племянником Карла XII). К концу Северной войны (1700—1721) отношения Дании и России резко ухудшились, и Петр решил ввязаться в спор Дании с Голистинией на стороне последней с тем, чтобы использовать «голистинский вопрос» для усиления позиций России на севере Германии и в Швеции. Одним из способов подобного вмешательства и стал планируемый брак Анны Петровны с голистинским герцогом Карлом Фридрихом.

В свите прибывшего в Петербург герцога находился граф Геннингс Фредерик Бассевич (1680—1749). Бассевич был влиятельнейшим деятелем Голистинии и, в сущности, руководил ее внешней политикой. Как Петр хотел использовать Голистинию и так называемый «голистинский вопрос» для давления на Данию, так и голистинские политики во главе с Бассевичем, который подчинил своему влиянию молодого герцога, пытались получить максимальные политические дивиденды от дружбы «большого» с «маленьким». Конечной целью было не только «укрощение» Дании, но—

главным образом — возведение голистинского герцога на шведский престол. Эта перспектива, вполне по тем временам реальная, окрыляла обоих партнеров — и маленького, и большого.

Длительное время ситуация благоприятствовала союзникам, но интересы сторон все же были различны. Когда в 1721 году заключался мир со Швецией в Ништадте, голистинцы надеялись, что интересы герцога будут учтены в мирном трактате. Но Петра заботили прежде всего благоприятные результаты мира для самой России и он пожертвовал шведам (в качестве уступок) часть завоеванной территории Финляндии, а также отказался от обещаний, которые он давал своему будущему зятю.

После Ништадтского мира главной целью голистинцев было стремление связать Россию и Голштинию династическими узами. Бассевич активно интриговал при русском дворе и в конце концов ему удалось добиться цели — спустя несколько лет после начала сватовства и уже после смерти Петра I старшая его дочь Анна стала супругой герцога и матерью будущего императора Петра III.

Бассевич и после заключения этого брака остался в России, рассчитывая развить свой дипломатический успех — теща герцога императрица Екатерина I была без ума от зятя. В 1725—1726 гг. Россия активно готовилась к войне с Данией, что было бы весьма на руку Голштинии и чистой воды авантюрой для России. Бассевич был главным инициатором или, проще сказать, поджигателем войны. Но вскоре ситуация изменилась. Менишиков, ревновавший Екатерину к Карлу Фридриху (в смысле влияния на нее), сумел выпроводить голистинцев в Киль.

Вращаясь в высших сферах Санкт-Петербурга в течение почти шести лет, Бассевич, человек опытный и умный, многое узнал о жизни русского двора. Вероятно, он делал какие-то записи, возможно, дневниковые или мемуарные. В 1761 году, спустя 12 лет после его смерти, некоторые отрывки из бумаг Бассевича, касающиеся ситуации в России, были соединены в рукопись. Это было сделано по просьбе Вольтера, писавшего по заданию императрицы Елизаветы «Историю России». Подобная же операция была проделана с некоторыми материалами русского происхождения. Вольтер не сидел в архивах или собраниях документов, а получал выборки документов и уже с ними работал. Думаю, что рукопись, составленная из материалов Бассевича, близка к первоисточнику. Впервые «Записки» были опубликованы в 1775 году в IX томе «Магазина новой истории и географии» известным собирателем и публикатором источников пастором Бюшингом.

Фрагменты из «Записок» Бассевича в настоящем издании публикуются по книге: Записки о России при Петре Великом, извле-

⟨...⟩Весною 1721 года в Ливонию прибыло множество отставных шведских офицеров, которые выдавали себя за желающих определиться в службу царя. Распространился слух, что между ними было и несколько шпионов. Трудность различить их вынудила царя издать указ, которым предписывалось всякому шведу военного звания, находившемуся в этой провинции под предлогом искания службы, выехать оттуда в определенный срок. Вскоре затем последовала казнь князя Гагарина, наместника Сибирского. Заподозренный и обвиненный в обогащении себя в ущерб казне своего государя, он уже около двух лет томился в темницах Адмиралтейства. Царь уважал его за многие прекрасные качества. Всем известно было, что он великодушно облегчил участь пленных шведов, сосланных в его обширную область, употребив в продолжение первых трех лет их плена более 15 000 руб. своих собственных денег на удовлетворение их нужд. Дочь его была замужем за сыном великого канцлера Головкина, а сын был женат на дочери вице-канцлера Шафирова. Не желая подвергать его всей строгости законов, царь постоянно отсрочивал его казнь и для отмены ее не требовал от него ничего, кроме откровенного во всем сознания. Под этим условием, еще накануне его смерти, он предлагал ему возвращение его имущества и должностей. Но несчастный князь, против которого говорили показания его собственного сына и который выдержал уже несколько пыток кнутом, ни в чем не сознавшись, поставил себе за честь явиться перед виселицей с гордым и нетрепетным челом¹. Царь велел устроить ее перед домом, в котором собирался Сенат, полагая, что преступления и упорство виновного должны подавить всякое к нему сочувствие в душе людей ему близких. Поэтому те из сенаторов, которые были в родстве с князем, не осмелились уклониться от обязанности присутствовать при его смерти. Они должны были не только скрывать свои чувства при виде этого печального зрелища, но даже обедать с царем и весело пить, по обыкновению. Молодой Гагарин, который еще недавно путешествовал по Европе окруженный блеском и свитой, достойными владельного князя, был разжалован и определен на службу простым матросом. Отецкая нежность побудила Шафирова обмануть доверие, которым облек его царь в этом процессе, и утаить из конфискованного имущества преступника значительную сумму для сохранения ее своему зятю. Впоследствии это было причиной его несчастья².

На другой день после этого трагического события царь уехал в Ригу, где желал встретить герцога голштинского. Его попечениями город этот, совершенно разоренный войной, снова приведен был в цветущее состояние. Таможенный сбор с товаров, которые он получал большею частью из Польши и отправлял в разные порты Балтийского моря и океана, простирался ежегодно до 700 000 талеров (écus). Царь увидел там с удовольствием успехи в разведении большого сада, который он приказал насадить вдоль реки и окончить в три месяца и в котором было уже поставлено 15 000 больших деревьев. Супруга его была с ним, окруженная, согласно воле монарха, царским блеском, который ему всегда был в тягость и который она умела поддерживать с удивительным величием и непринужденностью. Двор ее, который она устраивала совершенно по своему вкусу, был многочислен, правилен, блестящ, и, хотя она не смогла вполне отменить при нем русских обычаев, однако ж немецкие у нее преобладали.

Царь не мог надивиться ее способности и умению превращаться, как он выражался, в императрицу, не забывая, что она не родилась ею. Они часто путешествовали вместе, но всегда в отдельных поездах, отличавшихся — один величием своей простоты, другой своей роскошью. Он любил видеть ее всюду. Не было военного смотра, спуска корабля, церемонии или праздника, при которых бы она не являлась. При больших торжествах за ее столом бывали все дамы, а за столом царя одни только вельможи. Его забавляло общество женщин, оживленных вином; поэтому она завела у себя свою перворазрядную любительницу рюмки (*une biberonne de premier ordre*), заведовавшую у нее угощением напитками и носившую титул обер-шенкши. Когда последней удавалось привести дам в веселое расположение духа, никто из мужчин не смел входить к ним, за исключением царя, который только из особенного благоволения позволял иногда кому-нибудь сопровождать себя. Из угодливости же, не менее для него приятной, Екатерина, уверенная в сердце своего супруга, смеялась над его частыми любовными приключениями, как Ливия над интрижками Августа; но зато и он, рассказывая ей об них, всегда оканчивал словами: «Ничто не может сравниться с тобою»³.

Как ни дружелюбен и ни великолепен был прием, сделанный герцогу голштинскому царем, но для первого он получил еще особенную цену по тому расположению, которое высказала ему царица. Вполне уверенная в своем величии, она, не боясь уронить себя, в присутствии принцессы царской крови, герцогини курляндской⁴, сказала угнетенному принцу, что одушевленная сознанием долга, внушаемого ей могуществом, она принимает живое

участие в интересах герцога и для нее, супруги величайшего из смертных, Небо прибавило бы еще славы, даруя ей в зятя того, которого она была бы подданной, если б счастье не изменило Швеции и если б Швеция не нарушила присяги, данной ею дому великого Густава⁵. Слова эти заставили проливать слезы всех присутствовавших, — так трогательно умела говорить эта государыня. Если б дело зависело от нее, ничто не было бы упущено, чтобы без промедления восстановить Карла-Фридриха в его правах. Но хотя влияние ее на душу великого царя могло сделать много, однако ж не все. Она была его второй страстью, государство — первой, и поэтому всегда благоразумно уступала место тому, что должно было предшествовать ей.

В Риге царь сильно заболел горячкой. Чтобы вылечиться от нее, он переселился дней на восемь на корабль. По его мнению, морской воздух восстанавливал здоровье, и он редкий день пропускал, не подышав этим воздухом. Вставая с рассветом и обедая в 11 часов утра, он после стола имел привычку соснуть. Для этого стояла постель на фрегате, и он отправлялся туда во всякое время года. Даже когда летом он бывал в Петергофе, воздух обширных садов этого дворца казался ему удушливым, и он всегда спал в Монплезире, домике, одна сторона которого омывается волнами моря, а другая примыкает к большому петергофскому парку. Здесь было его любимое убежище. Он украсил его фламандскими картинами, изображавшими сельские и морские сцены, большей частью забавные.

По возвращении в С.-Петербург он отпраздновал 25 июня (по старому стилю) годовщину своего коронавания, что делалось очень редко с тех пор как он царствовал один⁶. При царском дворе насчитывалось, впрочем, до тридцати ежегодных празднеств, из которых четыре были в память военных подвигов, а именно взятия Нарвы, победы при Калище и Лесной (одержанной над Левенгауптом) и Полтавского сражения. В день празднования последнего царь надевал то самое платье, которое было на нем во время битвы. Но все эти празднества отличались однообразием. Те, которые приходились летом, отправлялись в садах императорского дворца и на обширном, примыкавшем к нему лугу, где маневрировали и потом также принимали участие в пиршестве гвардейские полки Преображенский и Семеновский. В рощах расставлялись столы для всех значительных особ. Одним из главных был стол для духовных лиц. Сам царь иногда садился туда и рассуждал с ними о догматах религии. Если кто-нибудь судил или делал ссылки неверно, то должен был в наказание опоражнивать стакан, наполненный простой водкой, и эти господа обыкновенно удалялись с праздника более других

упившимися. Обе царицы, царствующая и вдовствующая супруга Ивана, кушали с принцессами, своими дочерьми и с дамами в большой открытой галерее, построенной вдоль реки⁷ За обедом следовал бал, на котором царь танцевал, как и на свадьбах знатных лиц, куда его постоянно приглашали со всей императорской фамилией. В молодые свои годы он любил танцы. Русские вообще имеют большое расположение к этому упражнению и исполняют его с грацией.

Первое, на что царь заставил полюбоваться в своей столице герцога голштинского, было прекрасное здание Адмиралтейства с его магазинами, снабженными множеством материалов и снарядов для постройки и оснастки тридцати или более военных кораблей. При этом случае осьмнадцатое большое судно, сооруженное на новой верфи, было спущено на воду и названо «Пантелеймоном», в честь одного из святых греческой церкви. Его строил француз, присланный герцогом-регентом для починки старого 70-пушечного корабля «Le Ferme»,* который царь когда-то получил из Франции и которого его плотники не умели вытащить из воды и поставить на штапель. Работы эти, столь близкие сердцу царя, производились под управлением одного из его любимцев, Ивана Михайловича Головина, носившего титул главного строителя кораблей. Он учился кораблестроению вместе с царем в Голландии, но без большого успеха, и однако ж по одному из тех капризов благоволения, от которых не изъяты и благоразумнейшие из государей, царь поручил ему пост, которого все обязанности, к счастью для морского дела, исполнял сам. Но взамен этого Головин был очень хорошим сухопутным генералом.〈...〉

Прежде чем оставить Петербург и обеспеченные Ништадтским миром завоевания, чтоб обратиться к новым в другой части света⁸, Петр Великий выразил радость свою по случаю этого славного мира более блестящим делом, чем все празднества. То была всеобщая амнистия, распространенная даже на злоумышленников против его жизни, за исключением одних только убийц, и объявлявшая сложение податных недоимок со времени начала войны до 1718 года, составлявших сумму в несколько миллионов рублей. В указе, данному Сенату, причина этих милостей выражена была в следующих словах: «Считая долгом воздать славу Всемогущему за благодать, ниспосланную нам при заключении мира и прежде, мы полагаем, что не можем показать этого более достойным образом, как даруя прощение и изливая благодеяния на наши народы».

---

* Стойкость (фр.).

18-го декабря 1721 года царь, во главе своих гвардейских полков, торжественно вступил в Москву, но отсрочил на шесть недель празднование мира, желая прежде всего внимательно обозреть приготовления, предписанные им по поводу предстоящей войны против похитителя персидского престола, и приступить к некоторым распоряжениям, полезным и необходимым для общего блага. Единственное развлечение, которое он позволил себе в это время труда, было *славенье*. Оно продолжается с Рождества до дня св. Крещения. Это не что иное, как поезды в санях, предпринимаемые духовенством для пения по домам гимнов в честь Нового года. В прежние времена члены царской семьи не участвовали в них, и патриарх или какой-нибудь архимандрит, назначавшийся предводителем процессии, хорошо угощаемый со всей его свитой, собирал щедрые дары от набожности людей богатых; император, напротив, любил еще и в молодости пользоваться этим случаем, чтоб удостоивать своего присутствия все знатные дома и употреблять их приношения в пользу госпиталей и других благотворительных заведений. На сей раз он ничего не собрал, потому что допустил в процессию князя-папу и его двенадцать кардиналов-пьяниц, от чего она получила более характер шутки, чем религиозного обряда. Что касается до празднеств по случаю мира, то монарх открыл их раздачею из своих рук золотых медалей, ценой от 5 до 35 червонцев, всем своим подданным и служителям, сколько-нибудь известным, а также лицам знатым высшего духовенства, иностранным министрам и министрам голштинского двора. Надпись на медалях гласила, что они сделаны из золота, добытого в русских рудниках⁹.

После этого он ввел в собрание дочь свою царевну Елизавету Петровну, которой было двенадцать лет, приказал подать себе ножницы, обрезал помочи с лифа ее робы¹⁰, отдал их ее гувернантке и объявил принцессу совершеннолетней, а вслед за тем надел на герцога голштинского цепь и ленту ордена св. Андрея. Любовь к морю нигде не покидала царя. По его приказанию устроены были великолепные маскарадные катания на санях. Чтоб восполнить недостаток моря и флота, саням придана была форма морских судов, и из них самые небольшие могли вместить от 10 до 12 человек и везлись шестью лошадьми. Между ними наибольшее внимание обращали на себя турецкое судно (Saique) князя валашского¹¹, одевавшегося то муфтием, то великим визирем, окруженного прекрасной и многочисленной турецкой свитой, и гондола императрицы, закрытая зеркальными стеклами и снабженная хорошо натопленной печью. Сани императора изображали военный 2-ярусный корабль с 3 большими мачтами, надлежащим экипажем и поставленными между множеством фальшивых десятью настоящими пушками, из которых часто

палили. Монарх приказывал делать на улицах все морские маневры, так что даже полагали, что 16 лошадей, которые везли его корабль, только при помощи парусов могли сдвигать его с места.〈...〉

1723. Сенатор князь Голицын¹², замешанный в деле несчастного Шафирова, был присужден, как и многие другие, к шестимесячному тюремному заключению. Но по прошествии четырех дней наступила годовщина бракосочетания императрицы, и так как она удостоила просить за него, то император возвратил ему свободу и чин, послав его выразить свою благодарность у ног Екатерины, когда она вышла в залу собрания для принятия приветствий и поздравлений. Вечером перед ее окнами сожжен был фейерверк, изобретенный ее супругом. Он изображал соединенный именной шифр их в сердце, украшенном короной и окруженном эмблемами нежности. Фигура, изображавшая Купидона со всеми его атрибутами, кроме повязки, пущенная рукой самого государя, казалось, летела на крыльях и зажгла все своим факелом. Несколько дней спустя, накануне отъезда двора в Петербург (25 февраля) император устроил другого рода огненную потеху, менее любезную, но весьма странную. Он собственноручно зажег свой старый деревянный дворец в Преображенском, построенный в 1690 году. Так как его обложили фейерверочными материалами, то здание это долго горело разноцветными огнями, которые обнаруживали его архитектуру и делали прекраснейший эффект; но когда материалы сгорели, глазам представилось одно безобразное пожарище, и монарх сказал герцогу голштинскому: «Вот образ войны: блестящие подвиги, за которыми следует разрушение. Да исчезнет вместе с этим домом, в котором выработались мои первые замыслы против Швеции, всякая мысль, могущая когда-нибудь снова вооружить мою руку против этого государства, и да будет оно наивернейшим союзником моей империи»¹³.

По возвращении в С.-Петербург император нашел сестру свою царевну Марию Алексеевну в предсмертной агонии. Замешанная в суздальском деле¹⁴, она несколько лет содержалась в Шлиссельбурге, а потом в одном из дворцов столицы, где, кроме запрещения выезжать со двора, она ни в чем не терпела недостатка и могла жить, как ей угодно. Постель ее была окружена попами, которые, следуя старинному способу успокоения души умирающих, приносили ей питье и пищу, спрашивая жалобным голосом, имеет ли она в изобилии на этом свете все, что нужно для поддержания жизни? Разгневанный тем, что осмелились исполнять в его собственном семействе нелепый обычай, оставленный уже и чернью, монарх с позором прогнал этих

невежественных попов от умирающей царевны. Ее похоронили с такими почестями, как будто она никогда не была в немилости.

Петр Великий любил великолепиие в празднествах, но частная его жизнь отличалась необыкновенной простотой: вилка и нож с деревянными черенками, халат и ночной колпак из посредственного полотна, одежда, пригодная для занятий плотничной и другими работами, в которых он часто упражнялся. Когда не было санного пути, он ездил по городу в одноколке, имея одного денщика рядом с собой, другого следовавшего позади верхом. Поэтому Петербург однажды был удивлен, увидев его выезжающим из своих ворот в богатом костюме, в прекрасном фаэтоне, запряженном шестью лошадьми, и с отрядом гвардии. Он отправлялся навстречу князю Долгорукову и графу Головкину, старшему сыну великого канцлера¹⁵, отозванным от их посольств для поступления в Сенат. Долгорукий, украшенный орденом Слона, провел пятнадцать лет в Копенгагене и Париже; Головкин, имевший Черного Орла, — в Берлине. Оба были с отличными способностями и превосходно образованы. Император выехал к ним навстречу за несколько верст (которых 7 составляют одну большую немецкую милю) от города, посадил их к себе в фаэтон, возвратился в свою резиденцию и провез их по всем главным улицам до своего дворца, где назначил большое собрание. «Не справедливо ли было с моей стороны, — сказал он, входя туда с ними, — поехать и привезти к себе с почетом сокровища знаний и добрых нравов, для приобретения которых эти благородные русские отправились к другим народам и которые ныне они приносят к нам?»

С марта месяца Адмиралтейству отдан был приказ государя снарядить в Кронслоте 100 галер, 28 военных кораблей и 14 фрегатов, снабдив их припасами на шесть месяцев. Он объявил, что сам примет начальство над этим флотом; но не возьмет себе того корабля, на котором до сих пор плавал и который желает не подвергать более случайностям битв и волн, а сохранить, потому что был на нем в 1716 году, когда командовал четырьмя флотами разных наций¹⁶. Он выбрал себе другой корабль с именем, означавшим счастливое для него предзнаменование, а именно корабль «Екатерину», названный им так за превосходство его постройки и за изящество украшений, с которыми ничто не могло сравниться, хотя все было сделано в С.-Петербурге. <...>

Так как давно замечали, что значительная примесь пресной воды в Кронслотском и Ревельском портах способствует порче судов, то император возымел намерение соорудить новый порт в Рогервике, в 7-ми милях ниже Ревеля. Море образует в этом месте большой бассейн овальной формы, окруженный отвесными

скалами, где может помещаться до тысячи больших кораблей и более, не принимавший в себя никаких других вод кроме своих, которыми он наполняется через широкое устье, глубиной в 18 першей¹⁷ Так как в этот бассейн не проходил лед ни из какой реки, то корабли могли выходить гораздо раньше и возвращаться позднее, чем в другой какой-нибудь порт на этом берегу. Вход в него должен был заграждаться длинным молом с закрытой дорогой на верху и многими батареями, уставленными пушками большого калибра; в середине выдавался большой бастион, и недалеко от него по левую сторону находилось отверстие между двумя крепостцами для прохода одного только корабля, что обеспечивало порт от внезапного нападения неприятеля. Соседние скалы облегчали устройство мола, хотя оно было очень трудно по причине значительной глубины в этом месте. Уже 130 тысяч туазов плит, наломанных из этих скал, окружали берег, когда император приказал своему флоту бросить здесь якорь. Он вышел на берег с герцогом голштинским, со свитами своей и герцогской и с флотскими офицерами, велел самому старому священнику совершить молебствие и, сопровождаемый всеми, при громе артиллерии, положил первое основание мола. Надзор за работами поручен был полковнику Любрасу. В последующие царствования работы эти то отлагались, то опять возобновлялись, так что не окончены и до сих пор¹⁸.

По отплытии из Рогервика монарх употребил остальное время на маневры своих кораблей. Он сам командовал авангардом, адмирал Гордон—арьергардом, а великий адмирал Апрашкин—центром. Постоянно заботясь о том, чтоб подать своим подданным пример полезной субординации по службе, он беспрестанно обращался за приказаниями к великому адмиралу и без его позволения не оставлял своего корабля. По возвращении флота в Кронслот, совершено было 12 августа торжественное освящение парусного ботика, некогда прибывшего из Англии и при царе Алексее Михайловиче перевезенного из Архангельска в Москву. На нем государь впервые начал учиться мореплаванию. Ботик снаружи обили медью для предохранения дерева его от гниения, а маленькую мачту его украсили большим императорским флагом. Великий адмирал стоял у руля, адмиралы, вице и контр-адмиралы были гребцами. Таким образом маленькое судно обошло вокруг флота, для того, как говорил император, чтоб добрый дедушка мог принять изъявление почтения от всех прекрасных внуков, обязанных ему своим существованием; и когда в этом обходе оно подымалось вверх по реке, монарх греб сам с помощью одного лишь князя Меншикова. Во многих записках того времени есть описание этого великолепного морского праздника, на котором одного пороха вышло с лишком на 12 000 руб.

Празднество окончилось помещением ботика в гавани, в углу почетного места, назначенного для линейных кораблей; а шесть недель спустя его вытащили на сушу и торжественно перенесли в крепость, где поставили на хранение как государственную святыню.〈...〉¹⁹

Получив известие, что турки собирают в окрестностях Азова 60-тысячную армию, император принял все меры на случай упорной войны с ними. Более 20-ти тысяч человек было отряжено для исправления флота в Воронеже на Танаисе²⁰; 80 тысяч русских ждали на Украине приказания двинуться к Черному морю для покорения вновь Азова²¹, и наконец назначены были пункты соединения полкам, стоявшим в отдаленных провинциях, чтоб в случае нужды формировать из них корпуса. Переговоры о дружественном соглашении тем не менее продолжались, и г. де Бонак без устали трудился над ними.

Казаки²² сочли этот момент удобным для ходатайства о восстановлении старинных их привилегий, в особенности права свободного избрания себе гетмана. Депутаты их, уверенные, что обстоятельства заставят согласиться на это ходатайство, предъявили его с надменностью. Петр Великий отвечал им: «Неудачно вы выбрали время для испрашивания милостей, когда я в дурном расположении духа. Я буду по-прежнему назначать вам гетманов, но нахожу справедливым избирать их только из вашей среды; а чтоб проучить дерзких, осмелившихся усугублять затруднения своего государя, объявляю вам тюрьму, где вы будете содержаться до заключения мира с турками, после которого будут рассмотрены ваши поступки». По выходе с аудиенции они действительно были отведены в крепость, в которой оставались до назначенного срока²³. После того они сосланы были на галеры, потому что соотечественники их отказались от соучастия с ними, видя, что все покорялось императору, и страшась его гнева.

Царица Прасковия Федоровна Салтыкова, вдова Иоанна, скончалась 13 октября этого года. Чувствуя приближение смерти, она велела просить к себе императрицу, которую умоляла быть ее дочерям вместо матери. Это была единственная особа, которой император, чрезвычайно уважавший ее, дозволил сохранить старинное русское одеяние. Она всегда следовала за двором и являлась на всех праздниках. Несмотря на слабоумие своего супруга, она питала к его памяти постоянную нежность и просила покрыть себе лицо его портретом, когда будет в гробу, что и было исполнено. Император на целые шесть часов заперся с кабинет-секретарем Макаровым, чтобы составить церемониал для ее погребения. Погребальная процессия была очень великолепна,

но при том не было ни одного пушечного выстрела, ни русского флага и никакого другого знака ее сана, кроме старинной царской короны. Это сделано было для того, как полагали, чтоб показать, насколько некоронованная царица была ниже той, которая готовилась к помазанию, и насколько род Иоанна был отдален от престола.

Брак генерал-прокурора Ягужинского с дочерью великого канцлера графа Головкина, совершенный несколько дней после этой печальной церемонии, был замечателен тем участием, которое принимал в нем император. Первая супруга Ягужинского, страдавшая ипохондрией и имевшая странный характер, ежедневно истощала его терпение; несмотря на это, он находил, что совесть не позволяет ему развестись с нею. Император, до которого дошли о том слухи, взял на себя труд объяснить ему, что Бог установил брак для облегчения человека в горестях и превратностях здешней жизни; что никакой союз в свете так не свят, как доброе супружество; что же касается до дурного, то оно прямо противно воле Божьей, а потому столько же справедливо, сколько и полезно расторгнуть его; продолжать же его крайне опасно для спасения души. Пораженный силой этих доводов, Ягужинский согласился получить разрешение от своего государя на развод. Он настолько же был доволен своей второй супругой, насколько император своей, которой коронация, давно уже решенная, была обнародована по всей империи указом от 15 ноября²⁴, исчислявшим все высокие заслуги императрицы, которые побудили ее супруга оказать ей почесть, до тех пор в России невиданную.

Как ни велики были успехи, сделанные Россией на пути просвещения и нравственного развития в царствование Петра Великого, но они не коснулись еще преобразования театра. В то время в Москве был театр, но варварский, какой только можно себе вообразить, и посещаемый поэтому только простым народом и вообще людьми низкого звания²⁵. Драму обыкновенно разделяли на двенадцать действий, которые еще подразделялись на столько же явлений (так на русском языке называются сцены), а в антрактах представляли шутовские интермедии, в которых не скупилась на пощечины и палочные удары. Такая пьеса могла длиться в продолжение целой недели, так как в день разыгрывали не более третьей или четвертой ее части. Принцесса Наталия, меньшая сестра императора, очень им любимая, сочинила, говорят, при конце своей жизни, две-три пьесы довольно хорошо обдуманные и не лишенные некоторых красот в подробностях, но за недостатком актеров они не были поставлены на сцене. Царь находил, что в большом городе зрелища полезны, и потому старался приохотить к ним свой двор. Когда приехала труппа немецких комедиантов, он велел выстроить для нее прекрасный

и просторный театр со всеми удобствами для зрителей. Но она не стоила этих хлопот. Несмотря на пренебрежение, оказываемое теперь великосветскими людьми в Германии к своему языку, языку очень богатому и звучному, по крайней мере в такой же мере как и английский, театр в этой стране в последние годы идет быстрыми шагами к совершенству, но в то время он был не более как сбор плоских фарсов, так что кое-какие наивные черты и острые сатирические намеки совершенно исчезали в бездне грубых выходов, чудовищных трагедий, нелепого смешения романтических и изысканных чувств, высказываемых королями или рыцарями, и шутовских проделок какого-нибудь Jean-Potage, их наперсника. Император, вкус которого во всех искусствах, даже в тех, к которым у него вовсе не было расположения, отличался верно-стью и точностью, пообещал однажды награду комедиантам, если они сочинят пьесу, трогательную, без этой любви, всюду вклеиваемой, которая ему уже надоела, и веселый фарс без шутовства. Разумеется, они плохо выполнили эту задачу, но чтоб их поощрить, государь велел выдать им обещанную сумму.<...>

За две недели до того дня, когда решилась наконец участь герцога²⁶, ему пришлось испытать чувствительный удар. Он тесно сблизился с первым камергером императрицы, Монсом, братом г-жи Балк, вдовы генерала, любимицы Екатерины и ее первой статс-дамы. Эти два лица были верными посредниками в сношениях между государынею и ее будущим зятем, который всегда прибегал к ней, когда нуждался в поддержании своих видов или в получении чего-нибудь нужного в его положении. Завистники очернили в глазах императора эти отношения к императрице г-жи Балк и ее брата²⁷. Однажды вечером, совершенно для них неожиданно, они были арестованы и, по опечатании их бумаг, преданы уголовному суду как виновные в обогащении себя чрез злоупотребление доверием императрицы, доходами которой они управляли. Следствие и суд продолжались только восемь дней. Некоторые из служителей императрицы были замешаны в дело, и Монсу наконец отрубили голову. Сестра его, приговоренная к 11-ти ударам кнутом, получила пять (остальные были даны на воздух) и потом сослана в Сибирь. Два сына этой дамы, один камергер, другой паж, были разжалованы и отосланы в армию, находившуюся в Персии; один секретарь и несколько лакеев отправлены на галеры в Рогервик. Екатерина всячески старалась смягчить гнев своего супруга, но напрасно. Рассказывают, что неотступные ее просьбы о пощаде по крайней мере ее любимицы вывели из терпения императора, который, находясь в это время с нею у окна из венецианских стекол, сказал ей: «Видишь ли ты это стекло, которое прежде было ничтожным

материалом, а теперь, облагороженное огнем, стало украшением дворца? Достаточно одного удара моей руки, чтоб обратить его в прежнее ничтожество». И с этими словами он разбил его. «Но неужели разрушение это, — сказала она ему со вздохом, — есть подвиг, достойный вас, и стал ли от этого дворец ваш красивее?» Император обнял ее и удалился. Вечером он прислал ей протокол о допросе преступников, а на другой день, катаясь с нею в фэ-тоне; проехал очень близко от столба, к которому пригвождена была голова Монса. Она обратила на него свой взор без смущения и сказала: «Как грустно, что у придворных может быть столько испорченности». Впрочем она, вероятно, не совсем убедилась в виновности по крайней мере г-жи Балк, потому что после смерти императора возвратила ее из ссылки и восстановила во всех прежних должностях. Приговор, осудивший эту фаворитку и ее брата, исчислял малейшие подарки, полученные ими от лиц, обращавшихся к их содействию и помощи, умолчав только о герцоге голштинском, чтоб не увеличивать еще более его горести. Здоровье Петра Великого, давно шаткое, окончательно расстроилось со времени возвращения его из Москвы, но он несколько не хотел беречь себя. Деятельность его не знала покоя и презирала всевозможные непогоды, а жертвы Венере и Вакху истощали его силы и развивали в нем каменную болезнь.〈...〉

1725. Очень скоро после праздника св. Крещения 1725 года император почувствовал припадки болезни, окончившейся его смертью. Все были очень далеки от мысли считать ее смертельной, но заблуждение это не продолжалось и восьми дней. Тогда он приобщился св. Тайн по обряду, предписываемому для больных, греческою церковью. Вскоре от жгучей боли крики и стоны его раздались по всему дворцу, и он не был уже в состоянии думать с полным сознанием о распоряжениях, которых требовала его близкая кончина. Страшный жар держал его почти в постоянном бреде. Наконец в одну из тех минут, когда смерть, перед окончательным ударом, дает обыкновенно вздохнуть несколько своей жертве, император пришел в себя и выразил желание писать; но его отяжелевшая рука чертила буквы, которых невозможно было разобрать, и после его смерти из написанного им удалось прочесть только первые слова: «Отдайте все...» («rendez tout à...»). Он сам заметил, что пишет неясно, и потому закричал, чтоб позвали к нему принцессу Анну, которой хотел диктовать²⁸. За ней бегут, она спешит идти, но когда является к его постели, он лишился уже языка и сознания, которые более к нему не возвращались. В этом состоянии он прожил однако ж еще 36 часов.〈...〉